

Владимир Авдеев

РЕСТАВРАТОР РУССКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В.М. ФЛОРИНСКИЙ

Моей матери Авдеевой Татьяне Владимировне (1929-2012),
врачу с сорокалетним стажем, посвящается

*«Простейшей формой генетического оружия
является навязывание мировоззрения одной расы
представителям другой расы»*

анонимный разработчик советского генетического оружия

Мировоззрение и материальный мир

Каждая культурно значимая и исторически состоявшаяся общность в процессе эволюционной борьбы за существование неизбежно вырабатывает свое уникальное, присущее только ей мировоззрение, которое в полной мере отражает все этапы ее роста и становления. Само мировоззрение несет на себе неустранимую печать расово-биологического происхождения данной общности и дает представление обо всех стадиях ее взаимодействия с другими субъектами исторического процесса. Каждую куль-

турно значимую общность укрепляет и цементирует только одна раса, являясь ее стеновым хребтом в процессе борьбы за выживание. Именно она диктует свою биологическую волю представителям генетической периферии общности, она формирует систему ценностей и создает стиль мировоззрения. Изменение процента концентрации этой доминирующей расы и ее иерархическое перераспределение в социуме неминуемо сказывается на историческом портрете общности.

Это непреложный закон исторического развития, который хорошо известен расовым теоретикам, но до сих пор игнорируется традиционными историками, уповающими на всемогущество социальных механизмов. Человек – закономерная часть природы, и поэтому все принципы мироздания в полной мере применимы как к нему самому, так и к его культурным, социальным и моральным достижениям. Духовной основой, скрепляющей и цементирующей эволюционное развитие каждой культурно значимой общности, является ее мировоззрение, которое всегда уникально и неповторимо в каждом рассматриваемом случае. Мировоззрение никогда не возникает спонтанно само по себе из ниоткуда, но является сложной синтетической совокупностью биологических задатков представителей общности и их социальных реакций на обстоятельства бытия.

Мировоззрение общности – это культурно-историческая матрица с генетически запрограммированными в ней исходными данными о происхождении, ценностях и целях данной общности. Мировоззрение можно рассматривать как точную математическую функцию, являющуюся производной всех доминантных расово-биологических характеристик исторической общности, происходящих из ее природной сути и ясно указывающих на ее будущее. Попытки превращения истории, культурологии и психологии в точные науки, по аналогии с физикой и математикой, предпринимаются расовыми теоретиками вот уже более полутора сотен лет. И сегодня, как мы полагаем, есть все основания надеяться, что расшифровка генома Человека окончательно склонит чашу весов в споре мыслителей современности в сторону признания главенства биологического фактора в развитии человеческих общностей.

Являясь уникальным маркером развития, мировоззрение имеет ясное физическое воплощение: всегда и везде самые утонченные его метафизические изгибы проявляются во всех исторических деяниях того объединения людей, которые его представляют. Поэтому с такой жадностью археологи в процессе раскопок той или иной гробницы так стараются прочесть узор на женских украшениях или на рукоятках воинских мечей: в них генетический код расового архетипа со всей очевидностью видней, чем даже в многотысячетонной громадине бронированного дредноута, созданного этой же общностью тысячелетия спустя. Эстетическая символика образов, зашифрованных в ментальности доминантной расы каждой исторической общности, поэтому и является уникальным ключом к открытию всех ее культурно-исторических свершений.

Мировоззрение – это квинтэссенция жизненного опыта, базирующегося на стратегии завоевания окружающего мира определенной группой людей, имеющих общее генетическое происхождение, общие жизненные интересы и, как следствие, общую систему ценностей.

Только в середине XIX века начал формироваться полномасштабный синтез гуманитарных, естественных и точных наук и со всей очевидностью проявилась их взаимосвязь с самим биологическим типом человека, развивающим данные области знания. С помощью лингвистики, антропологии и археологии были устранены идеалистические представления об универсальности культуры и одинаковой доступности ее форм всем ветвям рода людского. Глобальное неравенство, являющееся следствием природного разнообразия, – это главный физический принцип, лежащий в основе движения всех частей и форм бытия как в материальной, так и духовной сфере, который нисколько не унижает ничьего достоинства, но, напротив, насыщает красками всю палитру мирозда-

ния. Можно сказать, что глобальное равенство – это «тепловая смерть» с точки зрения законов термодинамики.

Искусство чтения криптограмм духовного мира древних людей через открытие побудительных причин, приведших их к созданию тех или иных стилистических форм материального производства, – вот базовый принцип науки, который начал укореняться в европейском сознании лишь с середины XIX века. С помощью артефактов физического мира, дошедших до нас сквозь тысячелетия, стало возможным объяснять и оживлять духовный мир наших глубоких предков.

Одним из первых попытку реставрации исконно русского мировоззрения на новых синтетических принципах науки предпринял гениальный отечественный ученый **Василий Маркович Флоринский (1834-1899)**.

Из глубины народной

Интернациональная советская наука сделала почти всё от нее зависящее, чтобы утопить в безвестности имя этого сподвижника российской науки. Советский режим, с самого начала объявивший открытую войну всему русскому под знаменем «борьбы с великодержавным шовинизмом», не нуждался в пропаганде взглядов мыслителей такого толка. В.М. Флоринский – это яркий пример успешного государственного деятеля, одновременно реформатора науки и талантливого администратора в системе образования, укреплявшего своей подвижнической деятельностью авторитет монаршей власти. Он сделал очень много для обретения отечественной наукой академического государственного и международного статуса. Именно такие личности как он, по мнению советских партийных идеологов, ваяли в теории и на практике величественный ансамбль «просвещенного абсолютизма». Поэтому, видимо, его имени не нашлось места в современных учебниках истории. И лишь с крахом советского режима имена личностей такого масштаба стали возвращаться из небытия.

На основе опубликованной работы Е.В. Ястребова «Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому» (Томск, 1995) сегодня представляется возможным говорить о поистине обширных научных и общественных связях этого ученого.

Он дружил с основоположниками русской антропологической школы Дмитрием Николаевичем Анучиным (1843-1923) и Анатолием Петровичем Богдановым (1834-1896), с выдающимися невропатологами Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857-1927) и Яковом Афанасьевичем Анфимовым (1852-1930), с ботаниками и географами Андреем Николаевичем Бекетовым (1825-1902), Василием Васильевичем Докучаевым (1848-1903), Василием Васильевичем Сапожниковым (1861-1924), с востоковедами и путешественниками Владимиром Густавовичем Тизенгаузенем (1823-1902) и Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, химиками Дмитрием Ивановичем Менделеевым (1834-1907) и Александром Яковлевичем Данилевским (1838-1923), со светилами русской медицины и физиологии Николаем Васильевичем Склифосовским (1836-1904) и Иваном Петровичем Павловым (1849-1936).

Среди государственных деятелей он пользовался благорасположением и уважением таких именитых персон, как Великий князь Константин Николаевич Романов (1827-1892), Великий князь Николай Михайлович Романов (1850-1919), а также членов Государственного совета: Константина Петровича Победоносцева (1827-1907), графа Дмитрия Андреевича Толстого (1823-1889), графа Ивана Давидовича Делянова (1818-1897) и графа Александра Григорьевича Строганова (1795-1891).

Эпистолярное наследие Василия Марковича Флоринского поистине огромно – это свыше трехсот тридцати монографий, статей, отзывов и рецензий по вопросам ис-

тории, медицины, в том числе и народной, по археологии, системе высшего образования, организации библиотек и научных фондов. Общество русских врачей в Санкт-Петербурге в 1879 году выбрало его вместе с С.П. Боткиным своим почетным членом. В том же году ученый стал почетным членом Бостонского гинекологического общества (США). Он был также действительным и почетным членом многих научных обществ Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Томска, Екатеринбургa и Киева. С государственной службы В.М. Флоринский уходил в гражданском чине тайного советника (соответствующий ему чин – генерал-лейтенант), награжденный десятью орденами, в том числе «Высочайшим приказом № 1 по гражданскому ведомству» орденом Белого Орла.

Чтобы осознать в полной мере масштаб личности В.М. Флоринского, а также его вклад в развитие русской науки, и шире – мировой индоевропеистики, содействие упрочению государственного престижа и повышению академического статуса России, необходимо рассмотреть его биографию, которая даже сама по себе имеет огромное познавательное и нравоучительное значение в истории судеб русского народа.

Разветвленное древо рода Флоринских уходит своими корнями в Суздальские земли, и первые его следы просматриваются еще в XII веке. Дед и прадед В.М. Флоринского были дьяконами в сельской церкви в селе Фроловском Юрьевского уезда Владимирской губернии. Семья отца – Марка Яковлевича Флоринского, зажиточного крестьянина, состоявшая из шестерых детей: четырех сыновей и двух дочерей, в 1837 году переехала в село Пески Шадринского уезда Пермской губернии. Родственники матери В.М. Флоринского были крупными иерархами Русской Православной Церкви и находились в родстве с самим М.М. Сперанским – крупнейшим государственным деятелем эпохи царствования Государя Императора Александра Первого.

Василий Флоринский родился 15 февраля 1834 года (по другим сведениям 16 февраля 1834 года) в селе Фроловском. Когда ему было три с половиной года, семья переехала из Владимирской губернии в Пермскую. Как это было истари заведено во многих русских патриархальных семьях, его начальным воспитанием руководил отец, и лишь в 1843 году мальчика определили в начальное духовное училище при монастыре, по окончании которого в 1848 году его направили в Пермскую духовную семинарию для продолжения учебы. Помимо Закона Божия и обязательных основ церковного богослужения, юноша изучал всеобщую и российскую историю, логику, естественную историю, начальные основы медицины, алгебру и геометрию, физику, латинский и греческий языки, специальные духовные дисциплины и иностранные языки, с углубленным изучением немецкого. По воспоминаниям самого В.М. Флоринского, качество образования было очень высоким. Существовал даже обычай приглашать семинаристов в дома к преподавателям, что способствовало повышению общего уровня культуры и воспитанию хороших манер. Василий входил в число самых лучших учеников. Летом 1853 года он блестяще сдал выпускные экзамены и был рекомендован преподавательским советом для поступления в Петербургскую духовную академию.

Флоринский сдал вступительные экзамены, но зачислен не был, так как места уже были распределены между другими соискателями, у которых были льготы при поступлении. И тогда Флоринский подал прошение о зачислении в Медико-хирургическую академию, куда и был принят. Родителей известие о поступлении сына в столичное высшее учебное заведение весьма обрадовало, и они стали регулярно оказывать ему финансовую поддержку. Кроме того, как успевающий студент Василий получал государственную стипендию, позднее стал даже стипендиатом военного ведомства, поскольку Медико-хирургическая академия принадлежала по штату Военному министерству и готовила врачей для действующей армии. Академия в то время входила в число самых элитных учебных заведений Санкт-Петербурга. С появлением денег возможности молодого человека расширились, он мог теперь позволить себе покупать книги, хорошую одежду и познать прелести столичной жизни. Студент Флоринский за

проявленное прилежание был рекомендован в ординаторы хирургической клиники с правом занятия отдельной казенной квартиры. Именно тогда он провел самостоятельно свои первые операции и написал первую научную статью. За ясность и изящество литературного стиля (сказалась прекрасная подготовка в духовной академии). Флоринский был приглашен в качестве редактора к работе над готовящимся изданием двухтомного учебника по акушерству и гинекологии, что и предопределило выбор им дальнейшей медицинской специализации.

В 1858 году В.М. Флоринский был зачислен в Институт молодых врачей, созданный при Военно-хирургической академии. В него ежегодно отбирали всего десять кандидатов с целью подготовки к профессорскому званию. Причем каждый из ординаторов получал право самостоятельно выбирать тему для написания будущей диссертации на соискание ученой степени доктора медицины. После трех лет обучения в Институте самых достойных отправляли на два года за государственный счет на стажировку в лучшие европейские учебные центры. Время обучения и командировки засчитывались как время службы, что шло в зачет общей выслуги лет при получении очередных чинов по гражданскому ведомству. В числе самых новых изучаемых дисциплин были общая патология, клиническая медицина, нервные болезни и практический курс работы с микроскопом. В 1860 году молодой ученый начал сам читать курс лекций по теоретическому акушерству и женским болезням. В 1861 году В.М. Флоринский защитил диссертацию и стал доктором медицинских наук. Одним из обязательных условий поездки за границу было совершенное владение французским и немецким языками. Помимо них, молодой ученый хорошо знал английский, латинский и древнегреческий языки.

Вопреки досужим советским рассуждениям о вездесущем «гнете царизма», следует подчеркнуть, что молодые доктора наук за рубежом обретали полную и ничем не ограниченную свободу действий, решая самостоятельно, какие университеты и в каких странах им посещать лекции, каких профессоров слушать, в каких лабораториях работать и, наконец, как тратить казенные деньги. Никаких надзирающих и контролирующих инстанций над ними не было. При этом в их поведении не наблюдалось и намек на ту нездоровую тягу к «сладкой западной жизни», которой грешили советские специалисты, вырвавшиеся в заграничные командировки из «социалистического рая». Агенты царского охранного отделения не покушались на личную свободу подданных империи, находящихся за рубежом, и не следили за их политической благонадежностью. Воздух заграничной свободы не пьянил, ибо и на родине была свобода. Россия в то время была частью большого цивилизованного Белого мира, объединенного общностью ценностей и целостностью мировоззрения, между прочим, самой большой его частью, как в географическом, так и культурном измерениях. И никаких болезненных трансформаций или смены типа мировоззрения при пересечении границ отечества ни у кого не происходило.

Выехав из Санкт-Петербурга, В.М. Флоринский с подлинно русским максимализмом жадного до знаний человека сразу же устремился в Берлинский университет к мэтру мировой медицины и антропологии профессору Рудольфу Вирхову. При встрече тот совершенно очаровал молодого русского ученого изысканностью ораторского дара, педагогическим тактом и содержанием излагаемого материала, при этом оставаясь вне пределов кафедры очень скромным, ничем не выделяющимся среди других человеком. Далее последовало посещение университетов Лейпцига, Дрездена и Праги. Как и следовало ожидать, блистательная Вена поразила Флоринского не только имперским шиком монархии, но также качеством и разнообразием состава преподавателей, ибо здесь молодому ученому удалось найти ответ на множество интересовавших его вопросов из уст людей, писавших эти учебники. Живой контакт со светилами первой величины оставил неизгладимый след в его душе, отразившись впоследствии на глубине изложе-

ния собственных работ. Ну а дальше его ждали Париж и Лондон, где Флоринский сосредоточился уже не на изучении теории, а на вопросах организации практической работы в лучших клиниках и госпиталях. Заведя первые ценные международные контакты, молодой русский ученый вновь посетил Париж и Вену, потом было путешествие в Базель и Флоренцию.

В официальных отчетах, которые Флоринский регулярно отсылал в Медико-хирургическую академию, он свидетельствовал, что работает по 10-12 часов в сутки, мало спит и очень много читает. Уже в это время в полной мере проявилась его гражданская позиция и организаторские способности: ибо он по собственному усмотрению закупал много медицинского оборудования и книг и переправлял их по почте в Академию, а также писал статьи для «Медицинского вестника». Посещал он также исторические и этнографические музеи, художественные выставки. Впечатлений было так много, что Флоринский попросил руководство продлить командировку, и то безо всякой волокиты удовлетворило его просьбу, так как всецело доверяло одному из своих лучших выпускников. Ко времени возвращения у него уже насчитывалось около двадцати опубликованных научных работ. Он вернулся в Санкт-Петербург в августе 1863 года, пробыв за границей более двух лет.

Командировка Флоринского, по его собственному признанию, имела исключительно большое значение. Он не только ознакомился с преподаванием медицины в наиболее престижных университетах Европы, но и получил возможность увидеть и оценить общий уровень медицинской науки и ее перспективные направления. Василий Маркович часто сопоставлял виденное им в зарубежных клиниках с тем, что имелось в Петербургской академии. Личные контакты с профессурой, среди которой были выдающиеся ученые, оказались весьма полезными. Теперь он сам мог оценить их достоинства, а заодно и некоторые недостатки. Молодой ученый жадно впитывал всё, что, с его точки зрения, могло пригодиться в последующей работе на родине. Следует особо подчеркнуть, что всё это обилие практической информации легло в его сознании на философскую базу, которая была заложена еще в духовной семинарии, поспособствовав выработке им впоследствии целостного научного мировоззрения на расовой основе, обоснованию которого и посвящены наиболее зрелые работы, не устаревшие до сих пор.

Магистраль на Олимп

Конференция Академии утвердила отчет В.М. Флоринского о заграничной командировке и избрала его адъюнкт-профессором. В новом звании он сразу же приступил к чтению лекций, используя новейший зарубежный опыт. Поле его деятельности расширилось, и ему предложили возглавить еще первую создававшуюся тогда детскую клинику. Кроме того, он сам составлял методические материалы для студентов и руководил их производством, собственноручно создавая наглядные пособия, а также препараты и оборудование для лабораторных занятий.

Научный и карьерный рост молодого ученого был ознаменован и радостными событиями в личной жизни, ибо в феврале 1865 года он венчался с Марией Леонидовной Фуфаевской, происходившей из рода новгородских военных дворян. Жена была на тринадцать лет моложе Василия Марковича. В январе 1866 года она подарила ему дочь Ольгу, а в октябре 1867 – сына Сергея, который скончался в четырехлетнем возрасте.

Флоринский продолжал работать энергично и с упоением, и в январе 1868 года Конференция избрала его экстраординарным профессором. Осенью 1869 года он сам был избран в члены Конференции, поэтому, помимо написания научных статей и чтения лекций, много времени стала отнимать и административная деятельность.

В 1873 году В.М. Флоринский был утвержден членом Ученого комитета московского народного просвещения. В 1875 году был переведен на службу в Министерство народного просвещения и назначен от этого министерства непременным членом Медицинского совета; в том же 1875 году избран действительным членом Императорского русского географического общества. В 1879 году избран в действительные члены Бостонского гинекологического общества и в почетные члены общества русских врачей в Санкт-Петербурге.

Вместе с тем, В.М. Флоринский активно влиял на формирование научного процесса в целом, ибо, помимо написания собственных работ, он писал многочисленные рецензии на труды своих коллег и на переводные сочинения. Именно усилиями таких многогранных и упорных личностей, как он, Россия на равных вошла в число ведущих культурных держав мира во второй половине XIX века.

Зимой 1878 года Флоринский покинул Санкт-Петербург и переехал с семьей в Казань, чтобы возглавить кафедру в местном университете. В одном из писем он подчеркивал: «После 25 лет столичной жизни тихая провинция пахнула на меня живой струей и яркого солнечного света, и душевного спокойствия. Я здесь отрешился от бесконечных комиссий и сухих канцелярских дел, принадлежа только самому себе и своей кафедре, мог заняться своим делом по личному усмотрению».

Чернорабочий Белой империи

Еще с начала XIX столетия в Министерстве народного просвещения обсуждалась проблема необходимости создания первого университета на территории Сибири. Сначала у этой идеи было множество противников, так как изнеженные столичные бюрократы рассматривали Сибирь лишь как географический придаток империи и место для ссылки каторжников. Но провидческие слова М.В. Ломоносова, что «богатство России будет прирастать Сибирью», под воздействием реальных социально-экономических факторов к середине столетия уже обрели совершенно ясную материальную основу, ибо осваивать эти гигантские просторы силами одних казаков и первопроходцев золотоискателей было уже невозможно. Требовались всесторонние знания о неиссякаемых богатствах этой земли, причем полученные своими специалистами. Поскольку сама инициатива исходила от Монаршего двора, то была создана комиссия с целью выбора наиболее подходящего места, и главы администраций и заинтересованные круги Тобольска, Омска и Томска принялись бороться за право создания первого Сибирского университета. Проблема обсуждалась открыто и всенародно на страницах самых престижных и популярных печатных изданий. Каждый подданный необъятной империи имел возможность выступить со своими предложениями о наиболее целесообразной реализации этого масштабного проекта. Докладная записка В.М. Флоринского в совокупности с щедрыми пожертвованиями местного купечества решили исход конкурса в пользу города Томска.

После этого Василий Маркович был утвержден руководителем проекта, курирующим не только научные, но и организационные вопросы. Мало того, будучи врачом по образованию, он собственноручно составил эскизный проект здания будущего университета; руководил также рытьем котлована, заготовкой камня, кирпича, леса и доставкой их из непроходимой тайги на строительную площадку. Подбор персонала – от слесаря и каменщика до будущего профессорско-преподавательского состава – также был возложен на него. Он собственноручно разработал и утвердил новые санитарно-гигиенические нормы для студенческого общежития; составил университетскую библиотеку, лично сверяя списки раритетных изданий, поступающих в нее, и отслеживая

почтовые отправления отдельных частных собраний из разных частей огромной империи. С большим вкусом и отличным знанием дела Флоринский собрал коллекцию живых экзотических растений для университетского ботанического сада; и это в условиях сибирского ненастья, без железных дорог и безо всяких современных портативных обогревательных приборов. Составил и классифицировал археологическую музейную коллекцию с привлечением экспонатов из раскопок сибирских курганов. Придумал и зарисовал все детали внутреннего убранства интерьеров целого комплекса зданий, руководил созданием водопровода и очистных сооружений.

Это был поистине идеальный образец управляющего менеджера, не пользовавшегося никакими современными информационными технологиями, но решавшего совершенно невообразимый круг задач. Представить себе такой диапазон эффективных действий одного человека просто невозможно. Он не чурался никакой самой черновой и не свойственной его высокому статусу работы, стремясь вникнуть во все детали грандиозного начинания. Выражаясь современным языком, это был не «белый воротничок», но именно чернорабочий Белой империи.

Строительство университетского здания было начато в 1880, успешно завершившись в 1885 году. И это в условиях бездорожья, тяжелейшего климата, огромной удаленности от основных культурных центров страны и при тотальной нехватке буквально всего: от гвоздей до микроскопов. Стены нового университета впитали основательно дух порядка и академизма, рациональности и новаторства своего основателя, создавая устойчивую ауру первого русского бастиона науки за Уральским хребтом. Причина жизненного успеха В.М. Флоринского кроется в том, что свои собственные таланты он в полной мере умел сочетать с интересами государственного строительства.

На эти же годы приходится и написание основных теоретических работ ученого, расцвет его преподавательской деятельности, создание новейшей революционной по тем временам методики организации библиотечного дела и составления научных коллекций. При этом Василий Маркович был лечащим врачом семьи Великого Князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I, и младшего брата царствовавшего в те годы императора Александра II.

По мере завершения строительства Томского университета интеллектуальному руководству Российской империи во главе с министром образования становилось всё очевиднее, что новый образовательный центр не может существовать сам по себе, в отрыве от тех гигантских территорий России, которые он был призван облагородить. Поэтому возник закономерный вопрос об официальном формировании Западно-Сибирского учебного округа, который был образован 1 июля 1885 года. В него были включены Томская и Тобольская губернии, а также Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области.

Вновь созданный округ стал самой большой административно-учебной единицей Российской империи. Его площадь составляла около 3 миллионов 372 тысяч квадратных верст или около 3 миллионов 608 тысяч квадратных километров. Здесь могло бы разместиться шесть с половиной таких государств, как Франция. С севера на юг он простирался на 3560 километров от Северного Ледовитого океана до самой Великой китайской стены, а с запада на восток – на 1750 километров от восточных предгорий Урала почти до Енисея.

В природном отношении Западно-Сибирский учебный округ был крайне разнообразен. Его северная часть заходила в зону тундр, а на юге находились знойные пустыни и грандиозная горная система Тянь-Шань. Наиболее удобными для проживания людей были степь, лесостепь и южная часть лесной зоны, располагающаяся в средней части округа. Именно здесь находились крупные города – Тобольск, Томск, Тюмень, Омск, Барнаул, Бийск и другие. Здесь же были проложены и основные дороги. С запада

на восток проходил Сибирский тракт – главная сухопутная дорога, связывавшая Сибирь с Европейской частью России.

Коренное население, обитавшее в северной и южной части Округа, было вообще незнакомо с основными принципами цивилизации и вело полукочевой образ жизни. Географические карты того времени наглядно показывают, что никаких устойчивых населенных пунктов, основанных местным туземным населением, здесь попросту не существовало.

Местопробывание попечителя округа было установлено в университетском городе Томске. А самим Попечителем округа, конечно же, был назначен Василий Маркович Флоринский, «за полным отсутствием конкурентов, но при его личном согласии». Целый пласт новых проблем обрушился на уже немолодого ученого, и следует подчеркнуть, что ни у кого из его окружения не было опыта их решения.

25 мая 1888 года последовало высочайшее повеление Государя Императора Александра II об открытии Томского университета, и Флоринскому пришлось сразу же заняться набором преподавателей и обустройством их быта. Официальное открытие университета состоялось очень быстро – 22 июля 1888 года при торжественном собрании томской знати и купечества и при официальном покровительстве императорской власти, что неоднократно официально подчеркивалось в прессе.

После помпезной церемонии В.М. Флоринский произнес великолепную прочувствованную речь: «День рождения нашего университета мы имеем право считать счастливейшим днем из всего трехсотлетнего существования Сибири и великим праздником для всего русского просвещения. Пожелаем же Томскому университету славы и благоденствия на многие столетия! Да сияет он на восточной окраине нашего дорогого Отечества, как восходящее Солнце, оживляя и согревая своими теплыми лучами нравственную атмосферу холодной Сибири. Пусть откроет он в недрах народной жизни источники новых деятельных сил и докажет потомству, что при помощи света, правды и разума можно превратить страну ссылки, скорби и запустения в благоустроенную и равносильную с остальными русскими областями, нераздельную часть великого Российского государства».

Именно благодаря стараниям Флоринского первый открытый на территории Сибири университет приобрел такую репутацию, что многие светила российской науки изъявили желание переехать из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Казани в Томск. Известный физиолог, и впоследствии академик, Иван Петрович Павлов был одним из первых, кто проявил в этом вопросе инициативу. Недостатка в профессорско-преподавательских кадрах первой величины не было, и поэтому уже в 1889 году под руководством Флоринского при университете было создано Научное общество естествоиспытателей и врачей. Как замечательный организатор и опытный дипломат, он умел создать вокруг себя обстановку доброжелательности и уважения к молодым талантливым ученым, помогая решать им бытовые проблемы и создавая особую атмосферу духовности в еще недавно обжитых местах Сибири. Супруга Мария Леонидовна активно помогала ему в этой подвижнической деятельности.

Российская империя стремительно расширялась на восток, и судьба многих эпихальных проектов в своем осуществлении неоднократно буквально спотыкалась о бытовые неурядицы. Поэтому было важно всё и важны были все, каждый на своем месте. Пожалуй, нигде, как именно при освоении Сибири, не проявились так явственно природные таланты русского народа, осуществившего столь малыми силами такие масштабные цивилизационные проекты и в такие незначительные по историческим меркам сроки. В деятельности Василия Марковича Флоринского самым замечательным образом сочетались его личные таланты и умение распознавать объективные насущные потребности государства, что придало такую успешность всем начинаниям.

В годы строительства Томского университета Флоринский, хотя был врачом по образованию, приобрел хорошие навыки в строительном деле, которые емугодились очень скоро. Когда речь зашла уже о расширении всего комплекса зданий, возникла потребность в возведении нового медицинского корпуса, открытого в 1892 году, а позднее – и в основании Томского технологического института, где он возглавил строительный комитет.

При этом В.М. Флоринский как попечитель всего Сибирского округа должен был ежегодно преодолевать на санях и повозках тысячи километров, проверяя деятельность самых отдаленных гимназий и училищ, чтобы докладывать в Министерство просвещения об их состоянии и нуждах. Как подлинный сын своей эпохи, Флоринский был прекрасным семьянином и отцом. При всей невероятной загруженности имел еще время на «слабости просвещенного человека», так как собирал редкие книги и китайский фарфор, будучи одним из первых его ценителей в России.

В 1898 году Василий Маркович после сорока лет службы впервые задумался о себе, ибо состояние здоровья стало ухудшаться, и он подал прошение об отставке, которое было удовлетворено 20 сентября 1898 года лично Государем Императором Николаем II, «в связи с чрезвычайным официальным статусом самой персоны заявителя с присвоением ему почетного гражданина города Томска».

Чета Флоринских временно переехала в Санкт-Петербург, чтобы окончательно уладить все дела перед тем, как обрести заслуженный покой. Местом постоянного проживания была выбрана Казань, поскольку тогда это был один из самых культурных городов России. Но заслуженному пенсионеру недолго было суждено наслаждаться традиционными радостями своего положения. В декабре обострилась болезнь сердца, на которую ему, как множеству увлеченных людей, было совершенно некогда обращать внимание. Утром 3 января 1899 года Василий Маркович Флоринский скончался в столичной гостинице. Диагноз – паралич сердца, весь ресурс которого без остатка был потрачен на нужды русского государства. Он не успел даже оформить себе почетную пенсию. Великая миссия безжалостно высосала из него все соки до последней капли.

При жизни В.М. Флоринский был действительным членом множества российских и зарубежных научных обществ, был удостоен многих высших государственных наград и к пятидесяти семи годам в 1892 году дослужился до высшего чина в табели о рангах – Тайного советника, соответствовавшего в военной иерархии званию генерал-лейтенанта. Круг его общения в силу занимаемых должностей простирался от самых простых людей до монарших особ, поэтому кому как не ему было дано узнать на практике всю палитру национальных русских характеров. Причем во всем многообразии экстремальных ситуаций: от столичных царедворческих интриг до столкновения цивилизаций в сибирских глухоманях, где никто никогда подчас даже не видел европейца, вдруг еще и вознамерившегося в тундре и на болотах создавать учебный округ с огромным университетом в центре. Остается только догадываться, какое впечатление он производил на коренных жителей Сибири, и это притом, что на всех его портретах невозможно обнаружить ни следа черт хитрости или колонизаторской жестокости. Представляется возможным лишь гипотетически добавить к его психологическому портрету и талант дипломата, который он, несомненно, реализовал в полной мере. Именно благодаря деятельным усилиям В.М. Флоринского образ ученого стал таким же привычным на бескрайних просторах Сибири, как до этого образы казака, ссыльного каторжника или золотоискателя. Цивилизационное освоение этих гигантских территорий без прежнего духа варварской романтики и авантюризма сделалось возможным именно благодаря ему. Новые части Империи постепенно начинали жить по общим разумным законам государственного устройства, что и было смыслом его жизни.

Эпохообразующий мыслитель

Именно такой термин употребляется в классическом немецком науковедении при определении исключительности ученого, повлиявшего на ход умственных процессов своей эпохи и создавшего контуры новых знаний. Как нам кажется, есть все основания, для того, чтобы применить эту возвышенную характеристику к персоне Василия Марковича Флоринского. Только рассмотрев вехи жизненного пути, представляется возможным осмыслить его произведения и оценить глубину научного метода, впервые им примененного.

Уже в Пермской семинарии у Василия Марковича проявился живой интерес к познанию окружающего мира. С раннего отрочества он увлекся изучением логики и философии. Ему нравилось рассуждать и самому делать выводы, неважно, верными или ошибочными они были. Сам процесс мышления и попытка разобраться в причинах и следствиях явлений постоянно увлекали его. Он без особого труда усваивал именно те предметы, которые хорошо и логично преподавались учителями. Довольно легко он писал сочинения на предлагавшиеся темы и излагал материал правильным литературным языком. Общая одаренность в полной мере проявилась у него в годы учебы в Петербургской медико-хирургической академии. Подтверждением служит тот факт, что ему единственному среди студентов выпала честь совместно с профессорами работать над составлением учебников.

Флоринский не собирался становиться врачом, но судьба сложилась так, что ему пришлось изучить медицину, причем настолько глубоко, что он стал одним из наиболее квалифицированных специалистов в данной области. Он не имел никакого образования в области археологии, но и здесь весьма преуспел. Без особых затруднений и довольно быстро он изучил в совершенстве несколько иностранных языков, в том числе и классических древних. Очевидно, что таких успехов мог достичь лишь человек талантливый и крайне настойчивый.

За годы службы в медицинской академии и Казанском университете Флоринский написал несколько учебников и учебных пособий по акушерству и гинекологии. Учебники в ту пору нередко отличались от нынешних тем, что автор не ограничивал себя утвержденной учебной программой и зачастую включал в книгу многие подробности из истории науки, результаты своих многочисленных наблюдений, исследований и прочий материал. От этого учебник распухал и превращался в серьезную и даже капитальную монографию для специалистов. Чтобы облегчить изучение читавшихся предметов Василий Маркович составлял еще и сокращенные тексты, излагая в них основной материал, достаточный для студентов. Такие тексты размножались литографическим способом и продавались очень дешево.

Флоринский опубликовал много книг и статей по медицине. Последние он помещал в университетских изданиях, специализированных медицинских журналах и газетах. Недостатка в материале для публикаций он никогда не испытывал. Например, проводя занятия в клиниках со студентами или во время приема больных, он подмечал те или иные особенности болезни, какие-либо отклонения от нормы, не известные ему прежде ни по личным наблюдениям, ни из публикаций. Такие данные он анализировал и впоследствии публиковал. Василий Маркович считал, что только статья, содержащая новизну, может быть полезной. Компиляций ученый категорически не признавал.

Он часто получал предложения опубликовать статьи в различных изданиях и даже, например, написал в 1866 году комментарий к первому русскому академическому изданию сочинений Жан-Жака Руссо. Одним из первых он начал создавать новую парадигму научных знаний – целостное мировоззрение нового типа на основе синтеза гуманитарных, естественных и точных наук. Так, в 1865 году в свет вышла его уникальная работа с характерным названием «Усовершенствование и вырождение челове-

ческого рода». В самом начале автор подчеркивал, что **«корень народного здоровья – гигиена бракосочетания»**. Это четкая постановка проблемы, характерная для евгеники как самостоятельной науки, но сформулированная русским ученым на несколько десятилетий раньше, чем это сделал ее признанный во всем мире основоположник англичанин Сэр Фрэнсис Гальтон.

В своем сочинении В.М. Флоринский подверг анализу расовую дифференциацию человечества и на основе характерных признаков описал население России и причины формирования тех или иных расовых типов с учетом развития различных исторических процессов на гигантских территориях страны. Указывал он и на социальное расслоение в связи с существованием расовых типов: «Дворянство и духовенство чрезвычайно редко женились и женятся на инородках, особенно татарках, потому в них признаки азиатской помеси должны быть отнесены к давнему времени».

Он свидетельствовал и об исторической устойчивости расовых типов и их неподверженности влияниям среды. Расовые типы, по мнению Флоринского, возникают вследствие миграций, мирных ассимиляций и военных столкновений различных племен, происходящих во времени и пространстве, что впоследствии было подтверждено современными данными этнографии и популяционной генетики. «Таким образом, как русская жизнь выработалась у нас под влиянием географических условий, дружественных и враждебных столкновений с соседями, так и русский тип или, лучше сказать, русские типы складывались и формировались мало-помалу под влиянием тех же столкновений и политических переворотов. Варяги, половцы, хазары, финские и монгольские племена, греки и прочие откладывали свои разнообразные черты на русском типе, изменяя, осложняя и разнообразя его до бесконечности. И по настоящее время мы не имеем права сказать, что этот тип сложился окончательно и упрочился, напротив, как тип всякой расы и нации он и прежде не имел ничего прочного и определенного. В высшей степени подвижный и изменчивый, он изменился теперь и будет изменяться под влиянием новых столкновений». Что мы и наблюдаем сегодня.

Но вот далее, относительно прогнозов на дальнейшее будущее, ученый ошибся. «Новые славяно-западные типы со временем будут встречаться всё чаще и чаще, потому что по складу современной истории европейская помесь, естественно, у нас будет преобладать над азиатской». Даже такие диаметрально противоположные по убеждениям фигуры мировой истории как Бердяев и Гитлер подчеркивали, что «коммунизм имеет сугубо азиатский характер», но, увы, именно эта модель развития и возобладала в России в XX веке вопреки чаяниям Флоринского.

Далее автор подчеркивал, что расовые примеси всегда сказываются на моральном и умственном развитии народа, причем как в лучшую, так и в худшую сторону. Современные философы, политологи и социологи, пишущие о всесторонней деградации русского народа, должны учитывать не абстрактные влияния среды, а факты негативных этно-расовых мутаций, на что указывал великий русский ученый еще полтора века назад. Как знаток истории, свои выводы он делал на основе элементарного сопоставления фактов биологического и социокультурного характера. «Процесс вырождения римской нации совершался в течение веков под влиянием исторических переворотов Римской империи, путем замещения, разделения и видоизменения анатомических особенностей, вносимых каждой нацией в потомстве при помеси крови».

На основе этого, одного из первых в мировой научной практике, социобиологического истолкования законов развития истории В.М. Флоринский и начал объяснять значение гигиены бракосочетания. По его мнению, она должна регулировать все эволюционные процессы в обществе. Задолго до повторного открытия законов наследственности Г. Менделем В.М. Флоринский четко сформулировал их суть, подчеркивая, что потомки наследуют не только физические, но и психические свойства своих родителей: «Характер и привычки также передаются по наследству».

При наследуемости индивидуальных признаков, в том числе и психических, В.М. Флоринский перешел к обобщениям более высокого порядка, обосновывая умственную конституцию целой нации и, в дальнейшем, ее влияние на формирование и развитие цивилизации. Тип умственной конституции, передаваемый по наследству вместе с анатомическими признаками, формирует цивилизационный тип, согласно убеждениям Флоринского. «Рассматривая общее движение умственного развития целой нации, мы должны придти к тому же заключению, какое мы вывели при рассмотрении анатомических национальных типов, то есть, что умственный склад нации вырабатывается, совершенствуется и укрепляется постепенно, путем собственного упражнения и благоприятствующей помеси. Влияние цивилизованных народов на цивилизуемую страну точно такое же, как влияние относительно более совершенного анатомического типа на тип менее совершенный. Анатомический шаг к развитию, сделанный мозгом, путем ли личного упражнения этого органа или под влиянием наследственной передачи, сообщается потомству, для которого достижение известного уровня умственного развития вследствие этого становится легче. Таким образом, нравственный и умственный уровень типа мало-помалу возвышается. От этого происходит, что одна нация воспринимает и удерживает современную цивилизацию легче, другая – медленней, развивается ту же, смотря по тому, чей мозг более подготовлен, более прогрессивно развит. В Северо-Американских Штатах цивилизация принялась быстро, может быть, между прочим, именно вследствие того, что туда были перенесены из Европы не одни книги и науки, но и европейский мозг, размноженный производителями – талантливыми умными и энергичными выходцами из Европы. Под влиянием такого обновления, такой благодетельной смеси ум американцев не должен был проходить в своем развитии все степени догоняющего движения, а прямо начал с прогрессивного движения вперед. Таким образом, назначение цивилизующей нации состоит не в том только, что оно играет роль учителя цивилизуемой страны, но, при помеси кровей, и роль расадника того мозгового процесса, который для первой составляет нормальный анатомический уровень».

Итак, в силу своей собственной природной одаренности В.М. Флоринский утверждал, что развитие общей культуры в лоне той или иной исторической цивилизации есть результат не абстрактных идеологических влияний, но исключительно следствие совершенства ума, передаваемого из поколения в поколение как важнейший конструктивный элемент совокупности расово-анатомических различий человека. Таким образом, замечательный русский ученый самостоятельно вывел одно из ключевых правил классической расовой теории задолго до времени ее официального формирования. Он доказал, что тип и степень совершенства цивилизации определяются уровнем морфофизиологического совершенства базовых наследственных характеристик представителей основной части сообщества, создающей и развивающей эту цивилизацию.

Вообще данного рода пластичные переходы от большого к малому и наоборот, то есть способность автора осмысливать масштабы истории сквозь призму брачных отношений, составляет одну из самых примечательных черт данного сочинения. «Любовь есть половой эстетический выбор с целью воспроизведения более совершенного потомства; но требования при этом выборе у разных личностей, разных сословий и наций бывают различны. Здесь играют роль запрос на те или другие качества и личный вкус. В этом отношении половой вкус руководится более или менее замаскированным, даже не сознаваемым, но совершенно естественным чувством (чутьем), указывающим на большую ответственность избираемого лица для половых целей. В каждом человеке, как и в животном, существует половой инстинкт, замаскированный розовыми красками в виде сердечных отношений, инстинкт весьма деятельный и в высшей степени важный, потому что он служит рычагом для продолжения рода всего живущего. Помощью его природа показывает человеку на одну из главных физиологических целей

и незаметно подводит его к этой цели, окружая ее ореолом любви и нравственных отношений».

Вторгаясь в такую деликатную тему, автор на протяжении всего сочинения являет нам образцы великолепного стиля, сочетающего в себе изумительный русский язык, высокий нравственный пафос и совершеннейшую научную терминологию, в результате чего все положения ясны и вызывают сопереживание. Так, основной механизм, лежащий в основе эволюции общества и прогресса цивилизации, В.М. Флоринский называет не иначе как **«рациональным бракосочетанием»**. Это язык не просто изящного стилиста, но, вместе с тем, академического ученого, что делает сочинение удобным для чтения и понятным по прошествии даже полутора веков. Поскольку его речь очень информативна, можно смело утверждать, что человек менее талантливый написал бы несколько томов, чтобы донести до читателя те же естественные истины, а Флоринскому для этого достаточно было лишь небольшой по объему, но совершенно революционной по смыслу книги. Он, как и большинство русских ученых, по обыкновению был предан забвению.

За много лет до развития таких дисциплин как социобиология и биополитика Флоринский утверждал, что **«крепость физического и нравственного сложения нации»** определяет ее государственную и социальную жизнь. Вообще способность нации творить историю он объяснял на основе ее **«степени запаса органических сил»**, вновь и вновь повторяя, что они слагаются на основе ее **«рационального бракосочетания»** и никак иначе. Неучет данных факторов – профанация законов истории, когда, по меткому выражению Флоринского, и «деяния рук народов оказываются прочнее, чем сами народы». И действительно, где сегодня можно увидеть во плоти тех самых египтян, греков и римлян, что создали свои величайшие образчики культуры, что определили каноны ее понимания и оценки? «Факт вырождения, о котором свидетельствует нам история, точно так же, хотя и в меньших размерах, совершается и в нашу эпоху, перед нашими глазами. Вырождение этих последних происходит или путем слияния, или перехода в другую нацию, или путем измельчания, ослабления и вымирания».

Не обошел вниманием В.М. Флоринский и влияние бракосочетания на социально-экономическую сферу жизнедеятельности общества. «Чем равномернее будет распределение народного богатства и сословных прав и преимуществ, чем меньше в обществе будет эксплуатирующих паразитов, тем с большей гармонией, с большим успехом будут развиваться народные силы, тем больше народные массы будут защищены от ослабления и вырождения».

Главный же вывод книги замечательного русского ученого состоит в следующем: если государство желает заботиться о своем будущем процветании, оно неизбежно должно регулировать чистоту и рациональность бракосочетания своих граждан.

Публикация этой книги В.М. Флоринского прошла незамеченной современниками, и лишь на короткий период расцвета русской евгеники, в начале XX века, обозначился интерес как к личности ученого, так и к его взглядам. Сам факт существования самостоятельной отечественной школы в области наследственности человека, с целью дальнейшего воздействия на нее, официально советской наукой тщательно замалчивался, и за евгеникой в СССР прочно утвердился штамп «буржуазной реакционной науки». Лишь с началом изменений в идеологии эпохи перестройки молчание вокруг этой темы было нарушено. Для восполнения пробела в данной области московское издательство «Белые альвы» в 2012 году в серии «Библиотека расовой мысли» издало хрестоматию под общим названием «Русская евгеника», которая начинается с полного текста замечательной работы В.М. Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода».

В 60-е годы ученый много рецензировал переводные научные издания, публиковал статьи в «Военно-медицинском журнале». Флоринский вообще весьма живо инте-

ресовался текущими событиями жизни России и был в курсе многих проблем, волновавших общество. Свое отношение к происходившему он высказывал в газетных и журнальных статьях, в которых затронуты даже проблемы усыхания русских степей, присоединения Средней Азии к России, русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Целый пласт его работ посвящен анализу научных экспедиций, проводившихся с целью изучения природных ресурсов страны. Он писал и философско-мировоззренческие эссе, посвященные в том числе роли женщины в обществе, а также проблемам детского воспитания. Флоринский обладал несомненным литературным даром. Его работам присущи понятный язык, правильное построение фраз, логичное развитие мысли, и, что особенно важно, ориентация на запросы и уровень читающей публики. Флоринский писал много, легко и практически всегда набело. Правка текста была незначительной, он никогда никого не копировал и за годы научной деятельности выработал свой узнаваемый авторский стиль изложения материала.

Немалую популярность ему принес цикл публикаций по истории народной медицины и особенно фундаментальное сочинение «Домашняя медицина. Лечебник для народного употребления», который вышел в свет в 1879 году и несколько раз переиздавался. Энциклопедизм ученого позволял ему заниматься историческим обобщением богатейшего материала, зародившегося в недрах русского народного самосознания. Таким примером может служить также знаковая и популярная его работа «Русские простонародные травники и лечебники», опубликованная в 1879 году. Являясь акушером и гинекологом наивысшей квалификации, В.М. Флоринский на протяжении всей своей научной карьеры опубликовал множество работ по данному вопросу, но, будучи лицом, имевшим духовное православное образование, всегда использовал в научных целях термин, совершенно забытый в наше время, – **родовспоможение**. Именно такой подход, соединяющий религиозное образование, истоки народной медицины с современной ему наукой, позволил ученому создать собственную оригинальную русскую расовую философию. На основе синтеза археологических артефактов и национальной психологии В.М. Флоринский воссоздал картину изначального русского мировоззрения. Это была одна из первых реставраций системы ценностей расового архетипа русских, в чем и состоит основная заслуга ученого.

Системное славяноведение

Однако самым значимым сочинением русского ученого, на наш взгляд, следует считать фундаментальный двухтомник на тысячу страниц «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», опубликованный в 1894 году в Томске. Это предельно четкая и, вместе с тем, революционная работа, так как в ней всё обилие фактического материала синтезируется и трактуется философски. Во введении В.М. Флоринский подчеркивает, что **«тяга на восток»** к расширению жизненного пространства у славян всегда была в крови.

«Не одни материальные выгоды и политические соображения влекут нас сюда, а природный инстинкт, бессознательно сохранившийся в коллективной памяти народных масс, подобно инстинкту перелетных птиц.

Народы и государства делаются достоянием истории обыкновенно лишь с того времени, когда они вступают во взаимодействие с остальным цивилизованным миром, когда об их деяниях появляются письменные хроники или, по крайней мере, достоверные предания. История, таким образом, представляет собою нечто вроде формулярного списка, где хронологически отмечаются семейные перемены, имущественные приобретения и мировая служба каждого народа. Начало такой истории, очевидно, может относиться только к возмужалому возрасту. Но если мы хотим понять развитие народного

гения и характера, оценить его прежние деяния и предугадать будущую судьбу, мы должны изучать его детство и отрочество и все те отдаленные условия, которые влияли на его физический рост и нравственно-интеллектуальный склад. Эти данные не почерпаются из формулярных списков. Они кроются в наследственных качествах и семейных преданиях или, по отношению к народностям, в доисторической эпохе. Открытую книгу таких еще не разобранных летописей представляют нам древние городища и бесчисленные могилы, рассыпанные по всему необъятному пространству русской земли. Эти немые свидетели доисторической культурной жизни, особенно поражающие глаз путника на открытых сибирских равнинах, должны содержать в себе добрую долю тех именно документов о происхождении и первом детском возрасте славянского народа, которые до сих пор считались навсегда затерянными. Сердцем чувствуется, что эта широкая, привольная степь, расстилающаяся сплошной полосой от Оби до Волги и Дуная, близка русскому человеку не со вчерашнего дня, что она вырастила и воспитала не одни полудикие татарские и монгольские племена, а была когда-то колыбелью другого народа, более оседлого и более культурного.

Сознание собственного достоинства в истории есть одно из лучших оснований народного достоинства в настоящем и семья будущего».

Анализ археологических раскопок на гигантских просторах от Европы до Западной Сибири позволил В.М. Флоринскому сделать следующий многозначительный вывод:

«Достаточно взглянуть на эти грандиозные группы искусственных холмов, на их типическую форму и распространение, сравнить их с такими же группами сибирскими, северокавказскими и новороссийскими, чтобы явилась мысль о принадлежности этих однородных памятников какому-либо одному многочисленному народу. Не дряблым финским инородцам, думалось мне во время моих продолжительных скитаний, не татарам и монголам, более поздним пришельцам в эти страны, должны принадлежать такие грандиозные могилы, которые до сих пор стоят во главе цивилизации, то есть народам европейским».

Флоринский проанализировал инженерную специфику известных ему захоронений и курганов в Персии и Малой Азии, всюду обнаружив стилистическое и функциональное их сходство с Западной Сибирью, что позволило ему говорить о едином праарийском народе, который обитал на этой территории в долетописные времена от самых окраин Европы до западной границы Китая.

«Сравнивая в общем и в частности типы находимых здесь предметов с подобными же архаическими изделиями южной и северной России, нельзя было не заметить между теми и другими поразительного сходства. Западная Сибирь и вся остальная Россия жили некогда одной и той же культурной жизнью, и притом далеко не низменной. Это не была жизнь полудиких, бродячих или кочующих племен, подобно нынешним монгольским и финским племенам, а жизнь во многих случаях оседлая, промышленная, не уступающая ранним периодам гражданственности и культуры древних классических народов».

Исследовав оружие и сельскохозяйственные инструменты из Южной Сибири и открытые Генрихом Шлиманом их аналоги при раскопках в Трое, ученый пришел к выводу об их полной идентичности. То же сходство обнаружилось при рассмотрении женских украшений, монет, чеканных изделий, керамики и иной домашней утвари.

Кроме того, Флоринский сопоставил инженерно-техническую специфику курганов и захоронений на гигантских просторах Западной Евразии, иерархичность культурных предметов, заключенных в них, а также художественную стилистику узоров и орнаментов, придя на основе этого богатейшего и структурно-систематизированного материала к выводу об **общности мировоззрения пра-ариев и, как следствие, об их расовом родстве**. Данное единообразие материальных свидетельств не может быть слу-

чайным, так как оно систематично. «Одна археология может сказать свое правдивое слово там, где молчит история, если к изучению доисторических древностей будут применены более точные методы и если доисторическая археология будет сосредотачиваться на более определенных целях».

Археология, по мнению автора, всё еще оторвана от реальной жизни и никак не стремится связать материалы доисторической эпохи с историей конкретного народа, чтобы вернее пролить свет на специфику его духовного склада **«Следы народной жизни»**, и по его меткому выражению, можно обнаружить как угодно глубокого в истории. Именно привнесение точных и системных методов археологии в совокупности с четкой постановкой задачи и позволяет очистить историю славянства от лживых и откровенно провокационных толкований, которыми часто грешит так называемая «чистая наука», не отягощенная моралью гражданской ответственности. Судьбы доисторических славян и география их распространения предстают перед нами теперь в другом свете, в чем состоит главная научная и нравственная заслуга В.М. Флоринского.

«Мысль о монгольском и татарском происхождении российских и сибирских курганов скоро была оставлена. Собранные с течением времени значительные коллекции курганных черепов ясно показали, что о монгольской расе здесь не может быть и речи, а на присутствие оседлых поселений тюркских племен в средней и южной полосе России до начала русского государства не было никаких исторических намеков. В трудах наших ученых археологов нередко проявляются те же увлечения финскими теориями, при отсутствии национального сознания, что и славянское племя может иметь право на доисторическую жизнь, что оно, до начала своей государственной жизни, где-нибудь должно было существовать в пространстве и времени и оставить вещественные следы своего существования.

Таким образом, национальный вопрос невольно напрашивается на страницы археологических работ. Иначе и быть не могло. Всякий археологический факт имеет значение не сам по себе, а только по отношению к древним судьбам того или иного народа. Напрасно мы стали бы отклонять эти назойливые вопросы под тем предлогом, что ископаемые древности могли относиться к племенам теперь уже не существующим. Народы не исчезают с лица земли так же быстро, как имена их со страниц древней истории. Кажущееся исчезновение доказывает только неустойчивость (перемену) народных названий или, в более редких случаях, слияние части того или другого племени с соседним господствующим народом. Китайцы, индусы, евреи, древние персы, эллинские и латинские племена с тех пор, как знает их история, и по сие время не утратили своих племенных черт. То же самое можно сказать о галлах, германцах и славянах. Давность их начинается не с летописной истории, а с той отдаленной старины, когда эти народности выделились из общей арийской семьи. В этом бесконечно длинном ряду веков каждая народность должна была оставить свои следы как на себе самой, то есть на своем духовном облике, так и на местах своего пребывания. Места народной жизни меняются, еще более изменчивы географические и исторические имена, но плоды национального творчества большей частью сохраняют свой национальный отпечаток, если не во все времена существования народа, то, во всяком случае, в продолжение очень долгого времени. Привычки, вкусы, наклонности и верования обыкновенно соблюдаются народом как святыни, по инстинктивному чувству народного самосознания. Поэтому перемены основных народных привычек являются только в исключительных случаях, например, с переменой религии или с усвоением новой заимствованной цивилизации, и притом они все же распространяются на весь склад народной жизни. Эти-то национальные черты, несущие свое начало из глубины доисторических веков и выраженные вещественными памятниками, могут служить точкой опоры при национальном направлении археологических изысканий».

Именно учреждение Томского университета, по мысли Флоринского, должно было содействовать созданию в России мощной школы национальной археологии. Гражданская и научная позиции ученого в этом вопросе выражены и обоснованы со всей очевидной ясностью. «Описание западно-сибирских древностей я предполагаю вести совместно с российскими и европейскими учеными. Только при сопоставлении тех и других данных возможно показать их сходство и различие, делать сравнения и сопоставления. В этом должен лежать центр тяжести национальной доисторической археологии. Для исторического освещения памятников предполагаю пользоваться литературными указаниями преимущественно древних писателей, соответственно месту и времени, а также, где уместно – русскими летописями и актами. С этих исторических указаний я начну свое изложение, чтобы ориентироваться в положении вещей».

Итак, очевидно, что автор поставил себе поистине грандиозную задачу, особенно по меркам того времени, когда формирование синтеза естественных и гуманитарных наук еще только начиналось, когда историки еще не имели опыта и привычки проверять свои гипотезы на основе данных археологии, антропологии, этнологии и сравнительной лингвистики.

Развитие культуры на всем гигантском пространстве Евразии В.М. Флоринский связывал с возникновением двух первичных культурно-исторических потоков – арийцев и семитов, имеющих принципиально различное антропологическое происхождение. «Первые начатки культурного развития, как продукт творческого народного ума, должны были проявиться у племени, наиболее одаренного от природы физическими и духовными способностями».

Именно арийский и семитский потоки формировали и продолжают формировать преемственность форм культурной жизни с древнейших времен и до наших дней, по мнению Флоринского. Меняются лишь названия исторических субъектов – народов. «Утрата народных исторических имен не означает вырождения или потери народности, что те же самые исторические племена большею частью продолжают существовать до сих пор, но только под другими именами». Их существование, в свою очередь, выражается в конкурентной борьбе, как и у всех иных биологических видов в природе. А борьба же определяет различия в мировоззрении и средствах его выражения». Патриархальные времена пастушеского быта прошли. Принципом жизни является не мир и любовь, как у первых арийцев, а борьба за существование: «око за око, зуб за зуб», – вот основной кодекс семитской морали». Поэтому арийский индивидуализм всегда противостоял семитской общности. Лингвистические и этнографические изыскания наглядно указывают на справедливость такого подхода. «Язык – это живая струя человеческой жизни. В устах народа он не может оставаться на неподвижной точке. Как выразитель личной мысли и субъективного чувства, он продолжает непрерывно расти и развиваться либо из собственных коренных начал, либо обогащаясь новыми слоями».

По мнению Флоринского, из всех существующих индоевропейских языков именно современный русский язык наиболее близок к древнейшему санскриту – языку первоначальной арийской общности, что и вскрывает истоки ее расового единства. «Раса есть древнеиндийское название реки, отделяющей страну благодетельного Индры, т.е. оседлых арийцев, от страны зловредных охраняющих какие-то сокровища демонов, то есть кочевых племен», – приводил факты древней мифологии В.М. Флоринский для обоснования своей концепции существования культурно-антропологических потоков в истории Евразии.

Прекрасно зная рукописные первоисточники и проводя этимологический анализ древних индоевропейских языков, автор выстроил убедительную и подробную хронологическую картину миграций белой расы и описал очаг возникновения культуры славян на Балтике. Далее, на базе всестороннего анализа фактов материальной жизни рассмотрел историю древнейшей колонизации Сибири славянами еще до появления там

тюркских и угро-финских народов, историческое значение которых, по мнению Флоринского, весьма преувеличено. Строение жилищ и внутреннее убранство, планировка городов и культовых комплексов, развитие металлургии, ткацкого, гончарного и стеклодувного производства, инженерная специфика земляных работ и всех видов речного судоходства, земледелие, охота, рыбная ловля, разведение пушных зверей, чеканка монет, орнамент на оружии и женских украшениях – всюду видны следы деятельности древнеславянского племени и нигде не наблюдаются признаки деятельности представителей иных рас.

Ясность аналитического ума в совокупности с гражданской позицией позволяли В.М. Флоринскому делать масштабные исторические обобщения, которые до сих пор не утратили своей актуальности. По его мнению, на основе богатейшего археологического материала можно сделать однозначный вывод о том, что гигантские просторы Сибири были изначально окультурены именно индоевропейцами, имеющими общее нордическое расовое происхождение. «Рассмотренные мною древности ближе всего относятся к нашей колыбели и должны служить исходной точкой нашей северной доисторической культуры. Обозревая сибирские древности, я усматриваю в них общеарийские, в частности, славянские элементы». Приписывать же элементы высокой первобытной культуры на этих гигантских пространствах тюркским и финно-угорским народам, значит, полагал Флоринский, «игнорировать законы человеческого развития и данные живого языка, антропологии и истории».

Именно за такую научно-аргументированную патриотическую позицию имя В.М. Флоринского старательно вымарывалось марксистско-ленинскими идеологами из анналов отечественной науки. Так, М.Г. Худяков в своей книге с характерным названием «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов» (Ленинград, 1931) подчеркивал: «Одним из характернейших представителей расовой теории в русской археологии был В.М. Флоринский, автор объемистого труда «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни (Опыт славянской археологии)». В.М. Флоринский – махровый представитель великодержавного шовинизма – всюду выдвигал значение «славян» и подчеркивал их превосходство над турецкими, монгольскими, финскими и другими народами. Теорию туркестанской прародины индоевропейских народов В.М. Флоринский сумел увязать с захватнической политикой царского правительства на оправдание практики русского царизма. Таким образом, экспансия русского капитализма на восток представлялась, по В.М. Флоринскому, не чем иным, как возвращением славян на свою старую родину, к себе, так сказать, домой».

Лживость этой откровенно русофобской позиции совершенно очевидна, ибо, если бы не было исконной «тяги славян на восток», лежавшей в основе царской политики, то не возникло бы и такое гигантское геополитическое целое как Советский Союз, поскольку иным племенам цивилизационные порывы такого масштаба были просто чужды.

Великому русскому ученому Василию Марковичу Флоринскому, который как никто другой способствовал научному освоению просторов Сибири, советская власть, впоследствии успешно пользовавшаяся ими, ответила осквернением и уничтожением его могилы в Казани в 1917-1918 годах. В результате место захоронения ученого до сих пор не удается обнаружить. Его супруга Мария Леонидовна совершила буквально гражданский подвиг, спрятав огромный архив документов и личных вещей ученого в одном из домов в Казани. Этот клад был совершенно случайно обнаружен в 1938 году. Вещи были рассредоточены по различным этнографическим и краевым музеям, так что целостность собрания была нарушена, а печать отверженности с личности Флоринского так и не была снята. Даже в 1988 году на праздновании столетия Томского университета советские партийные органы распорядились вообще никак не упоминать его имени. Лишь в 90-е годы начались первые попытки энтузиастов восстановить имя великого

русского ученого и придать гласности его масштабные идеи, в которых Россия так нуждается для сохранения своей идентичности, целостности и перспектив развития.

Мы искренне надеемся, что наше предисловие к фундаментальному сочинению гениального русского ученого будет способствовать возвращению имени этого эпохообразующего мыслителя в число величайших деятелей нашей культуры.

В заключение автор считает своим долгом выразить самую искреннюю благодарность Марине Николаевне Щербаковой, урожденной Флоринской – наследнице великого русского ученого, и ее сыну Василию Федоровичу Щербакову за любезно предоставленные уникальные материалы, ценные консультации, а также общее благорасположение.

Библиотека Велесова Слобода, 2015 г.

Предисловие к книге Флоринский, В.М. Первобытные Славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. I. Общая вступительная часть / Репринтное издание 1894 г. Изд.: [Белые альвы](#), 2015, 440 стр. ISBN: 978-5-91464-137-2

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).